

ОТ ИДЕАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА — К ХОРОШЕМУ ОБЩЕСТВУ: ФИЛОСОФСКИЕ ЗАМЕТКИ О БУДУЩЕМ

*профессор д.филос.н. Фролова, И. В.
Башкирский государственный университет, г. Уфа*

Ситуация рубежа XX–XXI веков может быть охарактеризована как ситуация поиска, который ведется на разных уровнях существования человека и общества. Подобная ситуация связана с усилившимся динамизмом социальных процессов, развертыванием незаметных ранее тенденций, усилением личностного начала социальности. На личностном уровне это проявляется в проблемах формирования индивидуальной идентичности — этнической, профессиональной, гендерной. На уровне отдельных стран она реализуется в поиске оптимальных моделей вхождения в интегрирующийся мир, в поисках путей и способов органического развития; на международном уровне предполагает поиск механизмов взаимодействия различных стран и регионов, консолидации мирового сообщества. В этой ситуации растет значимость не только прогнозов будущего развития, но и создания образа такого общества, в котором человеку хотелось бы жить.

Тезис о том, что наиболее развитые страны западного мира вступают в эпоху “постиндустриального”, или “информационного общества”, стал сегодня трюизмом. Американский социолог Д.Белл одним из первых охарактеризовал основные “маркеры” этого общества, которые определяются новой ролью теоретического знания, превратившегося в главный источник технологических нововведений, переходом от производства преимущественно товаров к производству преимущественно услуг, доминированием профессионального и технического класса над традиционным пролетариатом, а также появлением интеллектуальных технологий, дающих ключ

к рациональному планированию технологического и социального развития. При этом Д. Белл отмечал, что постиндустриальное общество является своего рода “идеальным типом”, “аналитической конструкцией, а не картиной специфического или конкретного общества”.¹ “Снимая” противоречия индустриальной эры, постиндустриализм несет с собой новые проблемы и противоречия. Реальная социальность представляет собой различные типы обществ, формирующихся на основе постиндустриального хозяйственного уклада; модификации этих обществ могут быть весьма разнообразными, а конкретные их формы наука вряд ли в состоянии определить с позиций настоящего времени. Основой для перехода к обществам постиндустриального типа являются не столько новые технологии или знания, сколько изменение самого человека, обретение им качественно новой мотивации. Именно поэтому сегодня можно констатировать крайне медленное распространение постиндустриальных тенденций – как внутри отдельных развитых стран, так и в мире в целом.² Иными словами, человеческое общество ни в рамках развитых наций, ни в планетарном масштабе, нельзя еще назвать постиндустриальным. Однако постиндустриализм – это одна из самых значимых, векторных тенденций современного социального развития.

Эпоха постиндустриального общества обострила еще одну проблему, стоящую перед человечеством – проблему соединения глобального характера современного мира с культурным многообразием современной цивилизации. Следует отметить, что эта идеальная модель общества будущего создается деятелями умственного труда, философами, социологами и культурологами, но, благодаря ее универсалистскому характеру, носителями ее идей должны стать широкие слои человечества. Новое видение будущего призвано уйти от жестко позиционированного взгляда на мир, свойственного создателю утопии, показать его условность и относительность, и предложить такую модель общественного развития, которая удовлетворяла бы интересам не одного социального слоя, а человечества в целом, способствовала бы не только объединению, но и внутреннему развитию культур. Глобальная цивилизация, которая рождается на наших глазах, есть цивилизация мультикультурная. Но и само

понятие “мультикультурализм”, отмечает современный российский исследователь М.Б.Хомяков, внутренне противоречиво. Если культура есть совокупность способов отношения к миру и артефактов, созданных с помощью этих способов, то как можно говорить о некотором единстве принципиально различных культур, их объединении в целостной цивилизации? Культурная ориентация современного общества исключает всякую возможность сведения культурного многообразия к некоему “общечеловеческому” инварианту. Иными словами, главное противоречие современного развития может быть определено как противоречие между универсальным характером возникающей глобальной цивилизации и ее культурной ориентацией.³

В качестве еще одного уровня существования указанного противоречия может быть названо напряжение, возникающее между универсализмом прав человека и культурными особенностями различных обществ. Хорошо известно, что во многих странах идея прав человека отвергается как неплюралистическая и чуждая им. Не случайно в современном мире крепнет движение антиглобалистов и так называемых альтерглобалистов – противников нынешней модели глобализации и сторонников иного типа открытой мировой экономики, общества. Задача движения состоит в генезисе качественно нового, массового, интернационального и относительно устойчивого общественного идеала.⁴ Возможный путь разрешения этих проблем – отыскание этого универсального в самом культурном, культурная символизация универсального. Или иначе – для того, чтобы обрести плоть и кровь, чтобы стать эффективным средством регуляции человеческого поведения, права человека вместе с прочими универсальными ценностями глобальной цивилизации должны получить культурный смысл. Понятно, что в рамках различных культур этот смысл будет разным – и, тем не менее, одинаковым в своей сущности. С этой точки зрения, подчеркивает М. Б. Хомяков, принципиальный характер обретает ценность толерантности. Она становится сегодня не просто одной из ценностей наряду с другими, а правилом обращения с ценностями вообще.

Толерантность – это правило культурной символизации универсального; принцип толерантности способен примирить глобали-

зацию и культурный плюрализм современной цивилизации. Толерантность понимается не как снисходительность или безразличие, но как активное отношение к другому, активное принятие его существования даже при наличии возможности оказать то или иное воздействие на это существование.⁵ Современный политический теоретик Д. Грей совершенно справедливо, на наш взгляд, отмечает, подчеркивая личностную наполненность социальных процессов: “Толерантность – это добродетель, свойственная людям, осознающим свое несовершенство... Вместо того чтобы стремиться к обманчивой утопии, когда любой образ жизни одинаково (и, возможно, незаслуженно) признан, эти люди довольствуются тем, что могут ужиться друг с другом... Самый надежный путь к обретению долгожданной свободы – это умерить свои требования друг к другу и научиться терпеливо сносить наши различия. Тогда в случае разногласий мы будем идти на компромиссы и достигать соглашений – подходящих для нас сегодня, а не на все времена – вместо того, чтобы настаивать на собственных (всегда мнимых) правах человека. Как ни странно, обнаружить, что именно благодаря терпимому отношению к нашим различиям, мы поймем, как много у нас общего. И практика толерантности, и возрождение ценностей совместной жизни коренятся не столько в судебных решениях, сколько в политике взаимных уступок”.⁶

Поиск универсальных принципов, которые могли бы лечь в основу цивилизации будущего, осуществляется в рамках различных социальных концепций. Задача исследователей, рисующих образ “хорошего общества” состоит, по мнению современной российской исследовательницы В. Г. Федотовой, в том, чтобы создать своего рода “символический универсум всего многообразия истолкований хорошего общества”. Анализ “хорошего общества” может быть эмпирически убедительным, построенным на объективных факторах, позволяющих судить о качестве жизни и состоянии общества. К числу таких факторов относится продолжительность жизни, показатели рождаемости и смертности, количество самоубийц, криминального насилия, наличие или отсутствие бедности, голода, стоимости образования, медицины, размер пенсий, пособий, обеспеченность жильем, роль страхования и т.п.). Наличие этих факторов говорит

о возможности оценки реального состояния общества с помощью концепции “хорошего общества”.⁷ Концепции “хорошего общества” близки концепции “общего блага”, государства “всеобщего благоденствия”, “процветающего общества”. Для социальной и политической философии задача осуществления государства всеобщего благоденствия, которая встала на повестку дня после Второй мировой войны, означала нечто большее, нежели только материальное благополучие граждан и общества; она означала осуществление идеалов социального блага: равенства, поскольку благоденствие должно быть всеобщим; социальной справедливости; полноты социальных и иных прав, и, следовательно, ликвидацию бедности, полную занятость, развитие культуры и т.д. Теоретиками этого движения стали Дж. Гэлбрейт, Д. Белл и многие другие. Объединенные усилия социальных философов, социологов, экономистов, исследователей демократических движений привели к созданию в социальной философии и общественной теории особого направления – “вельфаризма” (от англ. welfare – благоденствие). Политико-экономической основой этого направления послужили исследования так называемой “экономики изобилия” такими учеными, как Дж. Гэлбрейт и Дж. Хиггинс. Однако после начавшегося в середине 70-х годов экономического спада идея “процветающего общества” трансформировалась в идею “приемлемого” общества, менее экспансивного, более гуманного, терпимого и щадящего человека, природу, социальное окружение, чем общество современное.

Тем не менее, кризис “концепции благоденствия” не означает отказа от идеи общего блага, в истории которой было немало падений и взлетов, и сейчас идея “процветающего общества” не снята как цель развития. Она трансформировалась в более консервативную форму социально-политического проекта, применимого к условиям структурного кризиса. Стремление выявить контуры общества “общего блага” показывает, что общество может и должно иметь значительные цели, цели развития.⁸

Резюмируя, можно отметить, что современное общественное развитие должно концентрироваться на человеке, на его активности, но не только как на ресурсе, а как на цели. Общество способно сегодня разработать действенную систему методов развития (эко-

номических, социальных, политических и др.) и управлять им, а эффективность государства, институциональной политической власти должна определяться способностью к развитию и достижению цели общего блага.

БЕЛЕЖКИ

¹ См.: **Белл, Д.** Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М., 1999, С. 661.

² См.: **Иноземцев, В. Л.** Постиндустриальное хозяйство и “постиндустриальное” общество // *Общественные науки и современность*, 2001, № 3, С. 151.

³ **Хомяков, М. Б.** Толерантность в современной цивилизации // *Толерантность: Сб. научн.ст. Екатеринбург*, 2000, с. 9.

⁴ См. например: **Бузгалин, А. В.** Альтерглобализм: теория и практика. М., 2003.

⁵ См.: **Хомяков, М. Б.** Указ.соч., с. 8.

⁶ **Грей, Д.** Поминки по Просвещению: Политика и культура на закате современности/ Пер. с англ., М., 2003, с. 66–67.

⁷ См.: **Федотова, В. Г.** Указ. соч., с. 5.

⁸ См.: **Кравченко, И. И.** Общественный кризис XX века и его отражение в ряде западных концепций // *Вопросы философии*, 2001, № 8, с. 3–16.